Исторический журнал: научные исследования
Правильная ссылка на статью:
Ипполитов С.С. — Российская эмиграция первой волны в Германии: гуманитарно-правовые аспекты адаптации. 1917-1920-е гг. // Исторический журнал: научные исследования. – 2020. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0609.2020.1.31909 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31909

Российская эмиграция первой волны в Германии: гуманитарно-правовые аспекты адаптации. 1917-1920-е гг.

Ипполитов Сергей Сергеевич

кандидат исторических наук

Проректор по развитию, декан Факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева

121433, Россия, г. Москва, ул. Б. Филевская, 69

nivestnik@yandex.ru

Статья из рубрики "Факторы исторического процесса"

DOI:

10.7256/2454-0609.2020.1.31909

Дата направления статьи в редакцию:

19-01-2020

Аннотация.

Деятельность российских гуманитарных, профессиональных и общественных организаций по определению правового статуса российских мигрантов в Европе и оказанию юридической помощи беженцам и российским юридическим лицам в изгнании; профессиональные союзы русских юристов в изгнании и их деятельность по правовой помощи соотечественникам; политика иностранных государств по правовой дискриминации российских беженцев; геополитический контекст, в котором проходила правовая интеграция российской эмиграции в общества стран пребывания; российская гуманитарно-правовая деятельность как фактор сохранения гражданской идентичности эмигрантов. Методологической основой, на которой базируется исследование, стали принципы историзма и системности, подразумевающих применение в процессе исследования хронологического метода, а также методов ретроспекции, периодизации и актуализации. В статье впервые исследуется малоизученная страница истории российской эмиграции: создание в Германии 1920-х гг. действенной системы гуманитарно-правовой помощи русским беженцам, направленной на определение их юридического статуса и восстановление юридического бытия российских коммерческих предприятий в изгнании. Впервые изучается способность эмигрантского сообщества к самоорганизации в целях отстаивания своих прав в условиях иноязычного и

инокультурного общества.Долгая неурегулированность правового положения; значительное количество правовых препон; произвол должностных лиц при фактическом бесправии беженцев; правовая коллизия в международном праве, возникшая с возникновением феномена российский эмиграции; беспрецедентность гуманитарно-правового кризиса послевоенного периода в Европе – все эти факторы существенно осложняли их гуманитарно-правовое положение, тормозя интеграцию в европейское общество. В этих условиях российскому эмигрантскому сообществу удалось выработать действенные механизмы помощи соотечественникам в юридической сфере.

Ключевые слова: российская эмиграция, адаптация эмигрантов, правовая дискриминация, гражданская идентичность, профессиональные союзы, юридическое бытие, социальная адаптация, гуманитарные организации, благотворительность, Съезд русских юристов

История российской гуманитарной деятельности в начале XX века, создание действенной системы общественного призрения, гуманитарно-правовой помощи, образования, заботы о наименее защищенных членах сообщества в условиях изгнания стала ценнейшим опытом, изучение которого не только помогает понять происходящие сегодня в среде русского зарубежья процессы, но и выработать способы решения тех острейших проблем, которые стоят сейчас перед нашей страной.

Особую актуальность в этой связи приобретают исследования гуманитарно-правового контекста, в котором проходила интеграция российской эмиграции в европейские общества век назад. Восстановление и защита личных прав беженцев, восстановление юридического бытия российских коммерческих организаций в изгнании, вопросы семейного и авторского права – эти и целый ряд подобных проблем пришлось решать нашим соотечественникам после исхода из России. Ведущую роль в этом процессе призваны были решать российские гуманитарные организации и профессиональные объединения русских юристов, перенесших свою деятельность за границу.

Существует и прикладной аспект проблемы. События последних лет в ближнем и дальнем зарубежье, связанные с вооруженными конфликтами и, как следствие, появлением большого количества беженцев, потребовали «вспомнить» пути и методы их социальной реабилитации, призрения и адаптации. Исторический опыт российской эмиграции в этой связи представляется крайне ценным, и его дальнейшее исследование, возможно, позволит выработать новые подходы в решении современных беженских проблем, лежащих на стыке права и гуманитарной деятельности.[i]

Изучением правовых проблем российской эмиграции первой волны на протяжении минувших десятилетий занимались многие исследователи, однако системный труд, охватывавший бы все историческое полотно правовой легитимации российской эмиграции в различных странах мира, отсутствует до сих пор.

В советском государстве первые труды по истории русского зарубежья относятся к началу 1920-х гг. Публикации этих лет отличались описательным характером; правовое положение российских колоний в этих работах если и затрагивалось, то лишь в контексте идеологического отрицания какой-либо легитимности эмигрантских организаций и объединений.[ii] В существовавших политических реалиях Советской России ожидать от авторов таких исследований исторической объективности не приходилось.

С конца 70-х гг. XX в. выходят из печати труды, в которых была предпринята попытка

представить исследователям очищенную от идеологического влияния историю русского зарубежья.[iii] Между тем, общие подходы к изучению проблемы остались прежними: история эмиграции изображалась непрерывной чередой политических баталий; вопросы правового статуса соотечественников за границей в наиболее кризисные моменты изгнания авторов публикаций интересовали в наименьшей степени.

Определенным достижением в создании объективной картины мира русского зарубежья стали работы 1980-х – 1990-х гг. В.А. Тесемников, Н.Е. Соничева, В. Пашуто, М.В. Назаров[iv] создали базис для конкретного и объективного исследования вынесенной в название статьи проблемы.

В 1930-х гг. российское зарубежье оказалось в центре внимания и западных историков. Их внимание было сосредоточено на политических деятелях эмиграции;[v] культуре и социально-экономическом положении русских колоний.[vi] Особую роль суждено было сыграть монографии Р. Виллиамса «Культура в изгнании».[vii] Исследование базировалось на широчайшем круге недоступных на тот момент времени в СССР источниках Лиги Наций, Международного Комитета Красного Креста и других гуманитарных организаций. Современные зарубежные авторы также обращались к названной проблеме. Среди трудов последних лет следует отметить монографию сербского историка Мирослава Йовановича.[viii]

В последние два десятилетия правовые проблемы интеграции русского зарубежья получили непредвзятое и подробное изучение. Особое место в этом контексте занимают исследования Е.Н. Наземцевой, посвященные правовому положению российской колонии в Китае.[ix]

Правовым положением российских эмигрантов в Европе исследователи занимались чаще. В последние годы вышел в свет целый ряд статей на эту тему.[x] Авторы рассматривали правовое положение беженцев в Польше, Франции, Италии, Германии; изучали действия местных властей по определению правового статуса эмигрантов, их положение на рынке труда, семейное и коммерческое законодательство стран пребывания в отношении эмигрантов.[xi]

Источниковой базой статьи стали документы Русского заграничного исторического архива, переданного из Праги в 1945 г. Академии наук СССР. Документы РЗИА распределены сегодня по нескольким федеральным архивам. Самые значимые коллекции документов находятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и Российском государственном военном архиве (РГВА). К работе привлекались документы из фондов Союза русской присяжной адвокатуры в Германии;[xii] Российского Земско-Городского комитета помощи российским гражданам в Германии;[xiii] а также личный фонд Мануила Сергеевича Маргулиеса, члена Президиума Федерации русских адвокатов за границей.[xiv]

Выбор такой источниковой базы обусловлен значительным количеством в названных фондах документов по первоначальному этапу правовой адаптации российских беженцев в Германии. Документы русских юристов в эмиграции, особенно их личные фонды, содержат ценную информацию о реально происходивших судебных процессах и тех гражданско-правовых ситуациях, в которых субъектами выступали российские эмигранты.

Принципы историзма и системности предопределили методологическую основу исследования. Под системностью в данном контексте подразумевается изучение

вынесенной в заглавие статьи проблемы во взаимосвязи с событиями, имевшими место в среде российской эмиграции в процессе ее правовой адаптации в германском обществе. Изучение отдельных элементов целостной системы подразумевает выявление факторов, оказывавших воздействие на правовое положение русских беженцев. История российских гуманитарных организаций в деле оказания правовой помощи эмигрантам изучалась как неотъемлемый элемент общеисторического дискурса. Историзм подразумевает применение в исследовании хронологического метода, а также методов ретроспекции, периодизации и актуализации, позволивших изучать правовое положение русской колонии в Германии в качестве составной части общеисторического полотна Европы послевоенного периода.

Хронологически исследование охватывает 1917-й – 1920-е гг. Такой временной отрезок выбран для изучения по следующим причинам. 1917-й г. стал точкой отсчета в появлении самого понятия «российская политическая эмиграция». Именно с этого момента значительная часть русских военнопленных в Германии осознала для себя невозможность возвращения на родину, став политическими эмигрантами.

В 1920-е гг. Германия являлась одним из центров российской эмиграции. Из-за низкого курса германской марки в начале 1920-х гг. именно здесь обустраивали новую жизнь в изгнании русские беженцы; огромная масса бывших русских военнопленных нуждались в гуманитарной, в том числе, правовой, помощи. Значительное количество российских дочерних коммерческих предприятий и совместных российско-германских фирм нуждались в восстановлении своего юридического бытия за границей. По названным причинам период 1917-1920-х гг. представляется наиболее интересным в названном контексте. Этими же причинами обусловлен и выбор географических рамок исследования: в указанный период Германия стала одной из «столиц беженского рассеянья», поэтому изучение правовой адаптации российских эмигрантов в этой стране представляет особый интерес.

По условиям Брестского мира, заключенного 7 марта 1918 г., специальные законы и распоряжения для русских граждан в Германии и для германских граждан в России должны были стать такими же, как и для всех других иностранцев. Граждане обеих стран должны были пользоваться правами судебной защиты наравне с коренными жителями. Однако на том основании, что в России частная собственность была упразднена, а гражданское правосудие находилось в руках «народных судов», аналогов которых в европейском и мировом праве не существовало, по Брестскому договору гражданские и торговые споры подлежали передаче на разрешение смешанных третейских судов, учрежденных в Берлине и в Москве. Совершенно очевидно, что подобная практика не могла быть распространена на русскую эмиграцию в Германии по двум основным причинам: во-первых, советское правительство отказало эмигрантам в праве на гражданство; и, во-вторых, по чисто политическим мотивам решения московского третейского суда в отношении российских эмигрантов довольно легко было предсказать. Кроме того, в соответствии с Брестским договором, граждане обеих стран были вправе приобретать имущество разного рода. Имущество, отнятое у них во время войны, в том числе акции и денежные депозиты, подлежало возврату и могло быть вывезено на родину. Граждане обоих государств пользовались правом на торговую и промышленную деятельность и облагались налогами наравне с коренными жителями. Одновременно восстанавливалось и право интеллектуальной собственности.[xv]

Версальский Трактат, вступивший в силу в Германии 10 января 1920 г., объявил все договоры и соглашения, заключенные Германией с большевистским правительством, потерявшими силу. Другим словами, с этого момента в отношении бывших граждан

Российской Империи должно было начаться действие довоенных договоров и соглашений, касавшихся их гражданских и имущественных прав. Возникшая в связи с этим правовая ситуация выглядела следующим образом. В соответствии с Гаагской конвенцией 17 июля 1905 г., российские граждане, в случае признания за ними «права бедности», должны были освобождаться от судебных пошлин в германских судах, а также от обеспечения судебных издержек по требованию противной стороны в случае проигрыша по делу.[xvi] Эта правовая норма была крайне необходима русским беженцам, поскольку очень немногие из них могли нести бремя судебных расходов, в то время как обращаться в суд им приходилось довольно часто, доказывая собственные имущественные права, в частности, на банковские вклады.

Наибольшему ущемлению в период войны подверглись права российских юридических лиц в Германии. На основании закона от 7 октября 1915 г., подлежало регистрации все имущество, принадлежавшее неприятельским подданным, как гражданам, так и юридическим лицам. Сюда входили акции и паи в совместных российско-германских предприятиях; различного рода обязательства, по которым германские компании или граждане состояли должниками российских подданных, и т.п.[xvii] Тем же законом воспрещался вывоз имущества, принадлежавшего неприятельским подданным из Германии без разрешения канцлера, в том числе – ценных бумаг и денег. Версальский Трактат отменял названные ограничения и декларировал право иностранных граждан требовать от германского правительства возмещения убытков, понесенных в результате применения законов военного времени.

На промышленных и торговых предприятиях, принадлежавших неприятельским подданным, германскими властями вводилась, так называемая, правительственная инспекция. Эта мера применялась по отношению к фирмам, управление которыми осуществлялось из воюющих с Германией стран, или в случае, если туда направлялись полученные доходы. Другой формой фактического отчуждения собственности российских юридических лиц являлось введение принудительной администрации. Эта мера, применявшаяся вначале только против французских предприятий на территории Германии, с 4 марта 1915 г. была распространена и на российские акционерные общества. Немецкий администратор на предприятии, подвергнутом подобной санкции, являлся полновластным хозяином. От него зависело, осуществлять ли далее хозяйственную деятельность или подвергнуть предприятие ликвидации, что могло также произойти и по просьбе германского акционера. Такая администрация могла быть учреждена и над объектами недвижимости, находившимися в собственности иностранных подданных или предприятий.[xviii]

Права германских акционеров совместных предприятий были расширены законом 31 июля 1916 г. о ликвидации неприятельских предприятий. 22 сентября 1917 г. он был распространен на русские фирмы, а также на права российских подданных на германских предприятиях. Закон этот относился также и к филиальным отделениям, недвижимости и наследуемому имуществу. Ликвидатор становился полным и исключительным хозяином предприятия и мог распорядиться им по собственному усмотрению. Он также мог взыскивать долги с должников предприятия.[xix]

Последствия подобной политики германского правительства в отношении иностранных граждан и предприятий стали для последних катастрофическими. Фактически весь российских бизнес в Германии к 1920 г. оказался либо разрушенным, либо распроданным. И если в других государствах значительная часть российских деловых кругов смогла достаточно безболезненно наладить в эмиграции работу большого количества существовавших за границей предприятий с участием русского капитала, то

в Германии российское предпринимательство оказалось в начале 1920-х гг. практически парализованным. И если, например, во Франции или Америке главной задачей русского бизнеса являлось доказательство своей правопреемственности на капиталы и имущество «старых» российских фирм, то в Германии русские предприятия вынуждены были строить восстанавливать деятельность практически заново. В качестве наглядного примера можно привести становление русских банков и банков с участием русского капитала в эмиграции. Если во Франции в начале 1920-х гг. этот процесс имел довольно активное развитие,[xx] то в Германии в этот же период не удалось обнаружить ни одного крупного финансового института с участием русского капитала, который проводил бы активную рекламную политику на немецком рынке.

Усугубляло правовую ситуацию российских юридических лиц в Германии и положение Версальского Трактата, которое оставляло в силе все переходы права собственности, акты ликвидаций и «всякие иные распоряжения и постановления», как судебные, так и административные, которые были приняты на основании этих «исключительных» законов в период войны.[xxi] Более того, даже если имущество сохранилось и не было продано или ликвидировано, а находилось в управлении германского инспектора, ликвидатора или администратора, русский собственник не имел права распоряжаться им. Следовала процедура передачи имущества на основании «просьбы» владельца, и как долго она могла продолжаться законом не оговаривалось.

Версальским Трактатом был оговорен и порядок выплаты компенсации пострадавшим от действий германских властей иностранным собственникам. Так, например, потерпевший владелец какого-либо имущества на территории Германии, конфискованного в период войны, имел право требовать от властей денежной компенсации, или возвращения имущества «натурою», если оно еще существовало. Но для российских эмигрантов названный пункт имел абстрактное значение, поскольку Трактат предполагал выплату компенсации «в валюте страны потерпевшего по довоенному курсу».[xxii]

Правовую ситуацию для российских юридических лиц в Германии осложняло еще одно обстоятельство. Германское гражданское уложение признавало за иностранными акционерными обществами и иными коммерческими организациями право производить какие-либо операции в стране только при условии получения от правительства особой концессии. Это означало, что ни одно российское юридическое лицо, даже при наличии развитого бизнеса в Германии, не имело права продолжать свою деятельность без акта официальной легализации.[xxiii] Учитывая, что лишь крайне ограниченному числу правлений российских акционерных обществ удавалось «прибыть» в эмиграцию в полном составе, такого рода легализация являлась маловероятной. Помимо чисто организационных проблем, типа неполноты представительства в руководящих органах русских фирм, они сталкивались и с явным нежеланием немецких властей оказывать содействие потенциальным конкурентам национальной промышленности и торговли. Другими словами, германским правительством проводилась политика правового протекционизма.

Не смотря на официальное декларированное равенство всех иностранцев, именно русские эмигранты чаще всего становились объектами полицейского преследования. Полицейпрезидент Берлина В. Рихтер говорил следующее: «В последнее время Берлин переполнен иностранцами, большинство их прибыло с Востока. Многие из них перешли незаконно границу или злоупотребляют оказанным им гостеприимством. При настоящих условиях, когда мы сами переживаем чрезвычайно трудное время и терпим нужду во всех жизненных областях, мы вынуждены применять меры для очищения Берлина от

нежелательных элементов… Мы всячески сочувствуем русским, и в каждом отдельном случае принимаем во внимание все обстоятельства, сопровождающие арест; но при всем нашем сочувствии мы должны исходить не из русской, а из чисто немецкой точки зрения».[xxiv] Поводом для этого выступления полицейпрезидента послужила облава в русском ресторане «Стрельна», в ходе которой было арестовано большое количество российских эмигрантов. Тот факт, что в данной полицейской операции принимали участие сотрудники политического отдела берлинской полиции, говорит о явно «некриминальных» побудительных мотивах ее проведения. Налицо была спланированная политическая акция, целью которой являлось дальнейшее развитие «правового вытеснения» русской эмиграции.

Другой крайне острой гуманитарно-правовой проблемой начального периода эмиграции стала репатриация. В 1922 г. в Лигу Наций было направлено 76 протестов от русских эмигрантских организаций, требовавших, чтобы репатриация касалась «лишь тех беженцев, которые сделают о том заявление».[xxv] И, несмотря на то, что европейские власти так и не решились на осуществление принудительной репатриации, напряжение в эмигрантских кругах не ослабевало. К этой проблеме попытался привлечь внимание Съезд русских юристов, заявив, что русские беженцы должны быть наделены правом получить убежище в странах пребывания, и принудительная репатриация, где было бы невозможно «какое-либо обеспечение прав личности» помимо их желания недопустима.[xxvi]

Вполне обоснованным с правовой точки зрения выглядело и требование съезда о предоставлении российским эмигрантам права свободного передвижения внутри страны пребывания. Однако это требование неизбежно вступало в противоречие с германским жилищным законодательством. Российские юристы требовали предоставления российской эмиграции прав заведомо больших, чем права коренных жителей страны. Обосновывалось такое требование введением в правовой лексикон словосочетания «политические эмигранты».[xxvii] Эта формулировка стала новым словом в международном праве, положив начало разработке понятия «политическое убежище».

Обсуждение личного статуса эмигрантов сводилось, главным образом, к декларации желательности распространения на российскую эмиграцию действия национальных законодательств. Обсуждение этого вопроса в тот момент времени было актуально по причине правовой неопределенности статуса российских беженцев и отсутствия ясности в вопросе: в соответствии с законодательством какой страны, как уже говорилось выше, должны осуществляться судебные действия в отношении эмигрантов – Германии, Российской Империи или Советской России? И такое обсуждение отнюдь не было праздным: имущественные вопросы – наследование, доказательство прав на собственность в Германии и т.д. – являлись для русских эмигрантов насущными и трудноразрешимыми.

Пристальное внимание на съезде было уделено коммерческому праву. Восстановление «юридического бытия» русских коммерческих организаций в эмиграции было сопряжено с целым комплексом правовых проблем. Процесс этот не был регламентирован никакими законодательными актами. Отсутствовали и прецеденты в мировом праве, которые могли бы внести ясность в эту крайне запутанную ситуацию. Сложность ее заключалась в том, что, в соответствии с декретом советской власти «О национализации акционерных обществ», имущество российских фирм заграницей уже не принадлежало им. С другой стороны, названный декрет противоречил нормам европейского права, нарушая незыблемый статус частной собственности. Одновременно и иностранные банки и фирмы не были заинтересованы в восстановлении прав российского бизнеса – в этом случае

многим из них предстояло бы выплатить значительные суммы по ранее заключенным договорам или размещенным депозитам. Да и политика протекционизма, проводимая европейским правительствами, вовсе не предполагала создания режима наибольшего благоприятствования для «чужих» коммерсантов. Все эти причины и породили для фирм с российскими корнями в эмиграции крайне неблагоприятную правовую ситуацию.

В этой ситуации особую роль начала играть способность российского эмигрантского сообщества к самоорганизации во внешних враждебных условиях. Так, Союз русской присяжной адвокатуры в Германии активно сотрудничал с иностранными и российскими гуманитарными организациями: Союзом русских адвокатов в Париже; Объединением русских адвокатов во Франции; Союзом русских адвокатов в Бельгии; Союзом русской присяжной адвокатуры в Нью-Йорке; Русским юридическим обществом в Финляндии; Русским юридическим обществом в Латвии; Союзом русских судебных деятелей в Германии; Комитетом съезда русских юристов; Русским научным институтом в Берлине; Германским обществом правовой помощи иностранцам и бесподданным; Институтом международного права в Гааге; Русским историческим архивом в Праге и рядом других.[xxviii]

Следует отметить, что спрос на услуги российских профессиональных организаций и объединений в начале 1920-х гг. в среде российской эмиграции был чрезвычайно велик. Неопределенность правового положения, невозможность осуществить элементарные действия в области гражданского и коммерческого права, языковой барьер, не позволявший пользоваться услугами иностранных адвокатов, создали благоприятную ситуацию для деятельности российских юристов. Так, учрежденная Союзом русских адвокатов юридическая консультация просуществовала более семи лет, пик ее деятельности пришелся на 1924 г. – 103 обращения и 1925 г. – 108 обращений.[xxix]

Представляет интерес дискуссия, возникшая в 1922 г. в среде русских юристов в Германии по незначительному, на первый взгляд, вопросу «о допустимости производства членами Союза публикаций в газетах». На самом деле речь шла о попытках некоторых русских адвокатских контор скрыть свое «русское» происхождение с целью расширения клиентской базы за счет привлечения иностранных клиентов. Подобная практика была осуждена Союзом, но вопрос не ограничивался чисто моральными категориями. Дело в том, что российским юристам не было предоставлено право производить нотариальные действия и вести дела в германских судах и, следовательно, их деятельность могла носить лишь законоведческий и консультационный характер. Этот статус русской адвокатуры был закреплен немецкими властями 9 мая 1923 г. в циркулярном письме, запрещавшем членам Союза именовать себя в каких-либо юридических документах званием «Rechtsanwalt»[xxx] без присовокупления к нему прилагательного «russischer».[xxxi]

Определенный интерес представляет политическая деятельность Союза русской присяжной адвокатуры. С одной стороны, руководство Союза старалось, со свойственной юристам осторожностью, держаться подальше от громких заявлений и политических деклараций. В то же время, полная политическая нейтральность была невозможна – подобная позиция оказала бы крайне нежелательное влияние на авторитет организации, поскольку и беженскими и правительственными кругами от всех эмигрантских объединений ожидалось резкое неприятие советской власти и посильная борьба с ней. В 1921 г. русские юристы приняли участие в обсуждении вопроса о концессиях, предоставлявшихся советской властью иностранным компаниям. Надо сказать, что стремление иностранной и русской буржуазии в эмиграции к сотрудничеству с большевистским режимом очень остро воспринималось именно представителями

российской адвокатуры, ощущавшими себя «носителями» русского права и законности в изгнании. Вопрос о концессиях по этой причине стал одним из немногих политических вопросов, по которому русские юристы приняли активное участие. Их внимание акцентировалось, главным образом, на правовом статусе созданных в России предприятий с участием иностранного капитала после гипотетического падения большевистского режима. Доказывая, что в основе деятельности любых концессий лежит принцип частной собственности, русские юристы приходили к выводу, что после возможного прихода к власти в России *законного* правительства имущество концессий должно будет вернуться к его *прежним* владельцам. Кроме того, под сомнение ставился и сам факт признания *новой* властью договоров на концессии, заключенные большевиками. Эти рассуждения венчало эмоциональное заключение о том, что концессионеры не понимают, «что сам факт их прислужничанья в большевистских передних будет достаточным основанием, чтобы новая власть сделала выводы: действия большевиков не могут иметь для нее никакого значения».[xxxii]

По этой причине – проявление лояльности к общеэмигрантским политическим интересам – Союз русских юристов время от времени был вынужден «обозначать присутствие» на антибольшевистском фронте. Так, например, в 1927 г. Союз принял «посильное участие в распространении воззвания Лиги Наций по борьбе с большевизмом», а в 1928 г. в составлении протеста против «безсудных казней в России».[xxxiii]

Общественная деятельность Союза русской присяжной адвокатуры находила свое воплощение и в работе многочисленных гуманитарных организаций русской эмиграции. В 1925 г. он вошел в состав Объединения 11-ти русских общественных организаций, где были представлены, в числе прочих, Союзы русских студентов, русских евреев и инженеров; берлинское бюро Комитета Съездов русских юристов, Комитет помощи писателям и ряд других.[xxxiv] Названное Объединение, в свою очередь, стало составной частью Совещания русских общественных организаций и учреждений в Германии, в качестве уставных задач декларировавшее «…согласование деятельности русских общественных организаций и учреждений в Германии по оказанию правовой и материальной помощи русским беженцам и содействию в удовлетворении их культурно-просветительских потребностей».[xxxv] Финансирование созданного Совещания предполагалось осуществлять из средств, выделяемых Лигой Наций и Германским Красным Крестом.[xxxvi]

Нежелание германских властей создать благоприятную для эмигрантов правовую атмосферу, принимавшее зачастую форму откровенного «вытеснения чуждого элемента», привело к появлению в Берлине особого органа досудебного разбирательства гражданских и коммерческих споров, призванного, хотя бы отчасти, стать альтернативой государственной судебной системе. Таким органом стал Постоянный Третейский суд, созданный Союзом русской присяжной адвокатуры в мае 1921 г.[xxxvii] Огромные суммы, взимавшиеся германским правосудием за рассмотрение дел; нераспространение на русских эмигрантов «права бедности»; языковой барьер, с которым сталкивалось большинство беженцев – даже в дворянской среде немецкий язык никогда не был популярен и владели им немногие – все эти причины обусловили появление Третейского суда. Постепенно его посредничество стало входить в коммерческую практику российских фирм – к середине 1920-гг. многие торговые или трудовые соглашения, контрагентами в которых выступали российские эмигранты, стали вносить в текст договора пункт об обязательности решения Третейского суда при возникновении споров между ними.[xxxviii]

Подводя итог в анализе гуманитарно-правового положения российской эмиграции, уместно сделать следующие выводы.

Общий «правовой фон», на котором шел процесс правовой адаптации эмигрантов в странах пребывания, не был благоприятным. Долгая неурегулированность правового положения; значительное количество правовых препон, имевших, как правило, надуманный характер; произвол должностных лиц при фактическом бесправии беженцев; правовая коллизия в международном праве, возникшая с возникновением феномена российский эмиграции; беспрецедентность гуманитарно-правового кризиса послевоенного периода в Европе – все эти факторы существенно осложняли их гуманитарно-правовое положение, тормозя интеграцию в европейское общество. Очевидно и то, что перечисленные выше проблемы не являлись неизбежными следствиями послевоенной разрухи в Европе, а стали целенаправленной политикой национальных правительств по правовой дискриминации российских эмигрантов. В этих условиях российскому эмигрантскому сообществу удалось выработать действенные механизмы помощи соотечественникам в юридической сфере. Деятельность профессиональных союзов русских юристов, российских гуманитарных организаций в решении правовых проблем российских беженцев в Германии 1917-1920-х гг. оказало влияние на весь гуманитарно-правовой фон европейского общества в исследуемый период.

Библиография

1. Ипполитов С.С. Российская эмиграция и Европа: Несостоявшийся альянс. М.: 2004.368 с.
2. Мещеряков Н.Л. На переломе [из настроений белой эмиграции]. М., 1922. 192 с.
3. Белов В. Белое похмелье. Российская эмиграция на распутье. М., Пг., 1923. 320 с.
4. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1981. 354 с.
5. Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977. 262 с.
6. Барихновский Г.В. Идейно-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921-1924 гг.). Л., 1978.198 с.
7. Мухачев Ю.В. Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. 314 с.
8. Соничева Н.Е. На чужом берегу. М., 1991. 268 с.
9. Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии [1919-1945 гг.] // Вопросы истории. 1988. №10. С. 95.
10. Пашуто В.Т. Российские историки-эмигранты в Европе. М. 1992. 212 с. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. Т. 1. 362 с.
11. Rosenberg W. Liberals in the Russian Revolution. N.Y., 1974. 242 p.
12. Huntington W.C. The Homesick million. Russia-out-of-Russia. Boston, 1933. 344 p.
13. Marrus M.R. The Unwanted-European refugees. N.Y., 1985. 186 p.
14. Jonston R.H. New Mecca, New Babylon…Kingston, 1988. 228 p.
15. Williams R. Culture in Exile. Ithaca, N.Y., 1972. 342 p.
16. Йованович Мирослав. Русская эмиграция на Балканах. 1920-1940. – М.: Рус. Зарубежье: Рус. путь, 2005.-487 с.
17. Наземцева Е.Н. Правовой статус беженцев как фактор межгосударственных отношений в сравнительно-историческом контексте: взаимодействие СССР и Китая в урегулировании правового положения русских эмигрантов в 1920-е – 1940-е гг. // Сравнительная политика. 2018. №4. С. 88.

18. Наземцева Е.Н. Политико-правовое положение русских эмигрантов в Китае в китайско-советских отношениях 1920-1949 гг.: диссертация ... доктора исторических наук..-Москва, 2018.-477 с.
19. Наземцева Е.Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920-1940-е гг.).-Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. – 407 с.
20. Бочарова Зоя Сергеевна Правовое положение русских беженцев во Франции в 1920-1930-е годы // РСМ. 2017. №2 (95). С. 164.
21. Булучевская Е.А. Социальное положение русских эмигрантов в Италии (1918-1939) // Вестник КГУ. 2016. №5. С. 37-41.
22. Микуленок А.А. Проблема урегулирования правового положения российских эмигрантов в Польше в 1920-е гг. // ИСОМ. 2015. №6-2. С. 112.
23. Правовое положение российской эмиграции в 1920-1930-е годы : сборник научных трудов / Санкт-Петербургский информ.-культурный центр "Русская эмиграция". – Санкт-Петербург: Сударыня, 2006. – 353 с.
24. Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939). – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 312 с.
25. Хафизов Э.Д. Научная и просветительская деятельность русского послереволюционного зарубежья. Министерство внутренних дел Российской Федерации, ФГКОУ ВО Уфимский юридический институт. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017. – 140 с.
26. Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия / Ин-т общественной мысли. – М.: РОССПЭН, 2009. – 703 с.
27. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: междунар. и полит. аспекты истории (первая половина XX в.). – М.: Рус. панорама, 2005. – 430 с.
28. Ручкин А.Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века / А. Б. Ручкин. – М.: Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2006. – 462 с.
29. Сабенникова И.В. Зарубежная архивная Россика: география размещения, выявление, публикация источников. Всероссийский научно-исследовательский ин-т документоведения и арх. дела. – М.: Новый Хронограф, 2014. – 401с.
30. Антропов О.К. История отечественной эмиграции. Астраханский гос. ун-т.-Астрахань: Астраханский ун-т, 2011.-408 с.
31. ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1.
32. ГА РФ. Ф. 6006. Оп. 1.
33. ГА РФ. Ф. 6270. Оп. 1.
34. Русские в Германии. Юридический справочник. Берлин, "Слово", 1920. С. 11.
35. Грибенчикова О.А. Российское предпринимательство в эмиграции. М., 1997.
36. Руденцова Ю.И. Социальная адаптация российской эмиграции во Франции. М., 1999.
37. Русские в Германии. Юридический справочник. Берлин, "Слово", 1920. С. 27.
38. ГА РФ. Ф. 5923. Оп. 1. Д. 2. Л. 87.
39. Руль. Берлин. №411, март 1922. С. 5.
40. Дни. Берлин, №12, ноябрь 1922. С. 5.
41. ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
42. ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.
43. ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 3. Л. 191.

44. ГА РФ. Ф. 6270. Оп. 1. Д. 170. С. 126.
45. ГА РФ. Ф. 6270. Оп. 1. Д. 170. Л. 130.
46. Руль. Берлин, № 64, 1921.
47. ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 3, л. 131.
48. ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.
49. ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 67. Л. 20.
50. ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 67. Л.22.
51. ГА РФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.
52. ГА РФ. Ф. 6270. Оп. 1. Д. 170. Л. 32 об.

Рецензия на статью

В связи с политикой двойного слепого рецензирования, данные о рецензенте не указываются.

В настоящее время не только различные специалисты – философы, социологи, политологи, экономисты, экологи и др., – но и рядовые наблюдатели много и вполне справедливо говорят о различных аспектах национальной безопасности. Не секрет, что проявления ее угроз в современном мире резко расширились, что обусловлено целым рядом факторов. Во-первых, началом постепенной трансформации монополярного мира во главе с Соединенными Штатами Америки в мир многополярный, в котором ведущие позиции будет занимать целый ряд стран, среди которых помимо североамериканского колосса Китай, Россия, Индия и т.д. В связи с этим данный этап характеризуется резким осложнением привычной системы международных отношений, что проявляется в расширении зон локальных конфликтов, разрастании деятельности различных экстремистских и радикальных групп, увеличении масштабов вынужденной эмиграции: это и нашумевший миграционный кризис 2015 г. в Европе, ставший крупнейшим в этом регионе после Второй мировой войны, это и события в Мьянме вокруг особой этнической группы рохинджа, в ходе которых десятки тысяч рохинджа оказались вынужденными бежать в соседний Бангладеш и т.д. в то же время российская история также отличается различными по своим масштабам миграционными потоками в зарубежные страны, которые приняли особенно массовый характер в годы Гражданской войны и в начале 1920-х годов, коснувшись различных слоев нашего общества (чего стоит только «философский пароход»). Масштабные российские колонии возникли в эти годы в Германии, во Франции, в Чехословакии и Югославии, при этом им удавалось в сложных условиях сохранять свою самобытность. Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является правовая адаптация российских беженцев в Германии в 1917 – 1920-е гг. Автор ставит своими задачами проанализировать восстановление и защиту личных прав беженцев, рассмотреть процессы восстановления юридического бытия российских коммерческих организаций в изгнании, вопросы семейного и авторского права и т.д. Работа основана на принципах историзма, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступают системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов, а также сравнительный метод. Научная новизна исследования заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников и исследований стремится осуществить гуманитарно-правовое положение российской эмиграции в Германии в 1917-1920-е гг. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов. Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить

масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 50 различных источников и исследований, что наглядно говорит о проделанной автором серьезной подготовительной работе. Специфика тематики статьи обусловила привлечение зарубежных материалов, в том числе на английском языке. Источниковую базу рецензируемой статьи можно разделить на две группы: опубликованные материалы (справочные издания, материалы периодической печати) и неопубликованные из фондов Государственного архива Российской Федерации. Здесь важно обратить внимание на следующее обстоятельство: автор пишет, что «источниковой базой статьи стали документы Русского заграничного исторического архива, переданного из Праги в 1945 г. Академии наук СССР», распределенные по трем архивам: ГАРФ, РГВИА и РГВА Однако в библиографии отсутствуют ссылки на архивы, кроме ГАРФ. Также автор указывает, что «к работе привлекались документы из фондов Союза русской присяжной адвокатуры в Германии;[xii] Российского Земско-Городского комитета помощи российским гражданам в Германии;[xiii] а также личный фонд Мануила Сергеевича Маргулиеса, члена Президиума Федерации русских адвокатов за границей.[xiv]», однако ссылки в тексте ведут на совершенно другие работы в библиографии. Это касается и многих текстовых ссылок на исследовательские работы. Автор привлекает труды как советских историков (В.В. Комин, Г.В. Барихновский, Ю.В. Мухачев), так и современные труды (В.Т. Пашуто, З.С. Бочарова, А.А. Микуленок). Вообще библиография статьи обладает важностью, как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. На наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований позволило автору должным образом раскрыть поставленную тему. Вместе с тем оформление библиографии в ряде случаев нуждается в корректировке. Стиль работы является научным, вместе с тем доступным для понимания широкой читательской аудитории, всех, кто интересуется как историей Русского Зарубежья, в целом, так и правовым положением русских эмигрантов, в частности. Апелляция к оппонентам представлена в выявлении проблемы на уровне полученной информации, полученной автором в ходе работы над темой исследования. Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть и заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «история российской гуманитарной деятельности в начале XX века, создание действенной системы общественного призрения, гуманитарно-правовой помощи, образования, заботы о наименее защищенных членах сообщества в условиях изгнания стала ценнейшим опытом, изучение которого не только помогает понять происходящие сегодня в среде русского зарубежья процессы, но и выработать способы решения тех острейших проблем, которые стоят сейчас перед нашей страной». Автор обращает внимание на то, что «если, например, во Франции или Америке главной задачей русского бизнеса являлось доказательство своей правопреемственности на капиталы и имущество «старых» российских фирм, то в Германии русские предприятия вынуждены были строить восстанавливать деятельность практически заново». В работе обращается внимание на такие негативные явления как «долгая неурегулированность правового положения; значительное количество правовых препон, имевших, как правило, надуманный характер; произвол должностных лиц при фактическом бесправии беженцев; правовая коллизия в международном праве, возникшая с возникновением феномена российский эмиграции; беспрецедентность гуманитарно-правового кризиса послевоенного периода в Европе». Автор раскрывает деятельность профессиональных союзов русских юристов и гуманитарных организаций, которые в создавшихся неблагоприятных условиях смогли выработать «действенные механизмы помощи соотечественникам в юридической сфере». На основе проведенного обзора автор приходит к выводу о том, что многочисленные

«проблемы не являлись неизбежными следствиями послевоенной разрухи в Европе, а стали целенаправленной политикой национальных правительств по правовой дискриминации российских эмигрантов». Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.